



## Александра ИСТОГИНА

Александра Яковлевна ИСТОГИНА родилась и живет в селе Ястребовка Курской области. Окончила заочно филологический факультет МГУ. Печаталась в журналах «Звезда», «Подъем», «Север».

### НЕВОСТРЕБОВАННАЯ НОВИЗНА

СУЩЕСТВУЕТ мнение, что определенному периоду общественного бытия соответствует преобладание определенного же вида литературы — проза или поэзия. Бурная, бурлящая, становящаяся жизнью больше нуждается в мобильном искусстве поэзии, живо на все откликающейся. И отклик она находит мгновенно. «Народу нужен стих таинственно-родной, чтоб от него он вечно просыпался...», — сказал поэт. Но жизнь входит в берега, обретает устойчивость, и настает время прозы — время аналитического освоения бытия. Разумеется, жесткой зависимости здесь нет, известны периоды убедительно-«равновесия», но общая тенденция отмечена верно. Стоит, однако, подчеркнуть, что речь идет о преобладании «спроса», но не качества, хотя явления эти соотносительны.

Достижения современной русской прозы, особенно так называемой «деревенской», очевидны. Имена Белова, Шукшина, Распутина и других писателей, преданных «звезде полей», на устах у всех, в том числе у заядлых урбанистов. Вместе с тем «городские» повести Трифонова привлекли пристальнейшее и несправданное внимание как читателей, так и критики (которая, правда, подчас теряется и не знает, что сказать и как себя вести по отношению к бесспорно значительному, но неоднозначному литературному событию). В прозе есть что читать и есть чему радоваться, хотя, конечно, еще много проблем нерешенных и даже нерешаемых.

В поэзии дела обстоят иначе. Нельзя сказать, что «спрос» упал или угас интерес, скорее напротив. Но после смерти Твардовского и Рубцова «свято место» до сих пор пусто. Есть талантливые поэты,

есть хорошие стихи, но нет настоящего лидера, нет того, кто «мешал» бы писать самим своим присутствием в литературе, как Лев Толстой «мешал» некогда советливому Блоку, а автор «Возмездия» — некоторым своим современникам. Оперативные качества поэзии сейчас как бы не у дел, а эстетические и философские возможности недостаточно проявлены. Виной этому не только объективные обстоятельства, но и причины внутрилитературные, «цеховые».

Чтобы не быть голословным, обратимся к стихам, написанным и напечатанным в последние несколько лет. В данной статье речь пойдет о творчестве поэтов, живущих на северо-западе России. Это невольное ограничение обзора не исказит представления о всей сегодняшней поэзии, хотя, конечно, «провинциализм» не проходит бесследно.

Белозерье, Заонежье... Уже от одного названия этих благословенных мест веет поэзией. Земля эта не однажды была прославлена и воспета. Особенно укоренены здесь устнопоэтические традиции. Но творчество такого поэта, как Николай Клюев, стоит как бы на рубеже, связуя фольклор и большую литературу, внося в нее крестьянскую тематику, образность, манеру мыслить и чувствовать:

...Сороки хохлятся — к капели,  
Дорога пега — быть теплу,  
Как лещ наживку, ловят ели  
Луча янтарную иглу.

И луч бежит в переполохе,  
Нырять в хвои, в зыбь ветвей...

По вечерам коровьи вздохи  
Снотворней бабьих речей...

(«Зима изгрызла бок у стога...», 1916)

Профессионализм здесь очевиден, но столь же очевидна верность фольклорной стилистике, особенно ритму, «складу».

На карте поэзии этого края и по сейчас есть замечательные имена, интересные и привлекательные явления, и о некоторых мы скажем, но в нашу задачу входит прежде всего рассмотрение неудач, недостатков, тревожных тенденций — задача неблагодарная, «однобокая», но назревшая. Говорить мы будем только о лирике, считаясь с тем, что поэма — слишком серьезный жанр, чтобы в нем преуспеть. Но похода касаться этого вопроса не хочется.

К концу 60-х годов большого напряжения и настойчивости достигла тема Родины, особенно малой, «тихой». Все бросились искать отчий дом, «родимую землицу», одним словом, истоки, и это была более человеческая, чем литературная забота. Творчество Николая Рубцова, который неповторимо опозитизировал и воспел Вологодчину, красоту и «святость» этих мест, стало ярким и художественно убедительным воплощением тенденции. «Память возвращается, как птица, в то гнездо, в котором родилась», — вот на чем настоит вся поэзия Рубцова. Однако драматизм его самоощущения («Меня все терзают грани меж городом и селом», признавался он) не был унаследован. Из животрепещущей, почти болезненной тема превратилась в расхожую, и в какую книгу ни заглянешь, читаешь что-нибудь вроде:

Край любимый — мое Белозерье,  
Голубая отрада души.  
Словно тут приворотное зелье  
Растворилось в озерной тиши...  
(Л. Беляев)

Или даже:

После города — сердцу отрада.  
Как бы здесь да почаще бывать,  
Чтоб лицо оведала прохлада,  
Чтобы в душу лилась благодать...  
(Б. Чулков)

Или вовсе уж откровенно:

Многого мне не надо:  
Была бы на ужин уха,  
Сеновала прохлада  
Да утром песнь петуха.  
Хочется жаркой бани,  
Веничка вдоль спины,  
Картошки свежей с грибами,  
Проселочной тишины...  
(А. Родин)

Терзавшие Рубцова «границы» исчезают напрочь, замененные благодушием отпусника — рыболова, грибника, охотника. Всяго и печаль о том, что до места охоты трудно добраться: паром да телега, а аэродром «скис». (См. стихотворение Беляева «Есть уголки еще в России...»)

Актуальность собственных стихов многие видят в газетной оперативности.

Большинство поэтов избегает «щекотливых» проблем, ограничиваясь признанием в любви к родным местам или деревням вообще. В искренности их нет сомнений, но внутренняя тяга «под родное крыло» утратила силу первоначального порыва, и

тем более недостает страсти и убедительности стихам. Поэтов, как и «приезжих» вообще, можно упрекнуть в потребительском отношении к селу.

«Я хлебопашеского древа», говорит А. Романов и многими своими стихами доказывает верность этому «древу». Для него «земля воспоминаньем дышит», — отсюда масштабность, а подчас и пронзительность его стихов:

Не просто ветвью быть последней  
И цвезть уже в черте иной,  
Когда в глубь тысячелетий  
Прямой и трудный корень твой.  
Не просто быть на самой грани  
И вырастать наискосок,  
Когда порой саднит и ранит  
Идущий с корня горький сок...  
(«Грани», 1967)

Неловкость некоторых оборотов, пожалуй, даже подчеркивает силу и остроту чувства. Но обратим внимание на дату и с грустью отметим, что даже для Романова село все больше становится лишь поставщиком «материала», даже своего рода экзотики: колоритные характеры, «живописный» говор, блестики народной мудрости и поучительные, почти притчевые ситуации. Это ему принадлежит броский афоризм: «Куда же Русь уходит? А Русь уходит в нас!» Оптимизм или отголосок все того же благодушия звучит здесь? Ответ важен, потому что «северная» поэзия кровно связана с деревней.

Наиболее полное и эстетически неуязвимое выражение драматической судьбы современной деревни находит, пожалуй, только в творчестве Ольги Фокиной. Ее муза с непоколебимой преданностью сосредоточена на судьбе крестьянства. «Лелей лоскут отеческой земли, как ни болотист, как ни каменист он...» — это из новых, недавних стихов. И это тоже:

Засыхают старые рябины.  
Оседают старые дворы.  
На вечерней улочке не видно  
Ни влюбленных пар, ни детворы...

Поутру цетронутые росы  
Солнцу пить опять наедине:  
Никого — с граблями к сенокосу,  
Никого — на скачущем коне...

(«Старая деревня»)

Это безлюдье, пустынная тишь на сельской улочке, когда и солнце одиноко и заброшено, вызывает чувство непоправимой беды, несчастья. Тем более, что Фокина любит крестьянский уклад и труд, знает его досконально, нежно. Оттого и в стихах «знаки кровного родства» не обманчивы:

Жну-вяжу, суслоны ставлю,  
Молочу, сушу, храню  
До весны. Весною — граблю,  
Сею в пашню, бороню...

(«Скрипке — струны, речке — струи...»)

Какая радостная здесь энергия, почти торжество!.. И смелая рифма («граблю»)

никого не озадачит, потому что звучит с естественным и единственным для крестьянина значением. И Фокина это знает. Певучая интонация в союзе с глаголами, придающими стиху крепость и упругость, создает обаятельный образ молодой крестьянки.

Не подумаю рядиться  
В чужеродное перо:  
И в столице — все я жница,  
И мое при мне добро... —

говорит Фокина. Женская доля по-разному представлена в ее стихах, но всем героиням свойственна глубина характера, почти ахматовская твердость и бесслезность и вместе с тем сугубо фокинский теплота, мягкость, застенчивость.

Водой ключевой угостила,  
Тропой до дороги свела...  
Легко я тебя отпустила,  
Как будто не годы ждала...

Изумительно органичны созданные О. Фокиной характеры, а это в лирике случается нечасто. Налицо и высокий художественный вкус.

Зря, косарь, не коси  
Около трясины,  
Я не скрипну вблизи  
Кузовом-корзиной.  
Заходил — сообщал,  
Где добра брусника.  
Мне ж, косарь, хороша  
Только земляника...

Плясовая, чуть кокетливая интонация точно передает задор и озорство юности.

С завидной свободой и легкостью минует поэта провалы стилизации. Никакой сусальности, лубка, медоточивости нет в ее стихах. Нет и стертых слов, а диалектизм — в меру, и очень они всегда кстати и на месте. Народная мудрость естественно входит в душевный мир Фокиной и ее героинь, поэтому оптимистический, мажорный лад стихов не режет слуха, не тяготит души. Да и не назойлив ее оптимизм, не навязчив. Терпенье в нем и мужество и вновь терпенье... И вот еще что ей ведомо: «Когда горе станет горкой, с горки видно далеко...»

Мы задержались на творчестве Ольги Фокиной для того, чтобы еще раз убедиться в неисчерпаемости фольклорной традиции, в плодотворности поисков, наконец, в существовании прекрасного поэта.

В. Устинов проявляет очевидный интерес к созданию характеров «простых» людей, но на его творчестве неблагоприятно, на наш взгляд, сказалась насильственная, хоть и добровольная установка: «не люблю я писать о горьком... Я ведь — бахарь...» Чрезмерная веселость всегда кажется принужденной, а динамика характера передана чисто внешне:

Над собой ли, над миром куражась,  
он в прибой заходил, как в купель.

И плясал.

И насмешничал.

Даже —  
непотребные песенки пел...

(«Росстани»)

Так Яков Окладников, герой трех больших стихотворений Устинова, реагирует на измену жены. А щедрость его измеряется в балыках да «сотенных», которые он приносит, возвращаясь с путины... Гораздо более впечатляют образы бабушки и тети Клавы, «заботливых женщин Руси», как несколько напыщенно величает их Устинов. И все-таки в стихах о прошлом он наиболее естествен и точен. Благодарная память сохранила многое из военного детства: играющего на дудке юного фронтовика и заросшее васильками, заброшенное поле, «острые верхушки иван-чая» и светлые глаза дворового пса, «пузатую расписанную кринку» с молоком и смертную усталость двух женщин, у которых он рос, их терпение и доброту. Недетски зорек его взгляд:

Спала — как смерть.

И лишь по одеялу  
качалась, словно маятник, рука.

Качалась монотонно и устало —  
как в берегах тяжелая река.

И понял я:

душа ее витала  
в реальных снах, в виденьях наяву,  
где тетя Клава все еще метала  
стальную бесконечную траву...

(«Вольная Горка»)

Не все безупречно в этом отрывке, но он говорит о возможностях В. Устинова, на которого сейчас смотрят с надеждой. Пока страсть писать стихи преобладает над неповторимостью слова. Сильнее всего Устинов в том, в чем слаб, — в воссоздании плоти жизни, ее многоцветья и разноголосицы. Однако олеографическая пестрота некоторых стихов утомительна, безвкусна, псевдофольклорна. Чувство меры подводит поэта, вообще склонного к «сильным» средствам. Но волевой напор, энергия неподдельны в его стихах. Он порывается и к большому проблемам, в том числе философским, но пока решены они с мнимым глубокомыслием, чрезвычайно к тому же многословным («Ночное поле», «Подняться и взглянуть», «Сентиментальные деревья» и др.). Слишком велика и тяга к символизации, оттого возникают фальшивые ноты, ходульные жесты («Одинокую прогулку вдвоем», «Ревность», «Одинокое дерево», «Сердце озера» и др.). Вылазки в историю пока что неглубоки, но интерес к крупным темам, драматическим коллизиям должен вывести поэта на просторы исторического видения.

Словом, интонацией Устинов владеет умело, даже бойко, непрочь и шегольнуть, но пока ему вредит желание сказать все, недостаточно строгий отбор, слабость самодисциплины. Уравновешенности и обдуманности не хватает как стилю, так и эмоциям. «Божья мать с кота по рукам



«...И века, словно двери, раскроются настезь»,— сказано в начале стихотворения, но века остаются закрытыми наглухо: не та «отмычка» пущена в ход. Не годится подходить к сложным явлениям с готовыми выводами, раз и навсегда усвоенными близорукими оценками. Да и правоте иной раз пристало держаться скромнее. На «столбовой дороге трафарета» нас не ждут ни печали, ни радости, а лишь скука.

Об искусстве пишут почти все, и в этом есть, конечно, слабый отголосок историзма, но трудная, требующая особой осторожности тема подана и решена порой так, что невольно предпочтешь молчание. «Сидел в художнике сапожник...» — такой, например, похвалой почтил О. Мишин Ван Гога, изобразившего, как известно, на одном из своих холстов обыкновенные башмаки. «Не всяк дорос до понимания Секретов музыки большой»,— откровенничает А. Родин в стихотворении «Девчонка слушает Бетховена». Цикл Левушкина о Микеланджело изобилует изжившими себя «догмами». Едва ли уместен назидательно-обличающий тон, панибратские реплики, покровительственные жесты. Драматизм судьбы великого художника невозможно передать с помощью таких, скажем, строк:

Вельможный припожаловал синьор,  
на статую взирает с миной строгой.  
— Однако же,— синьор нахмурил  
взор,—  
нос у Давида толстоват немного...

Для вида лишь  
резец ваятель взял,  
а в пригоршню — побольше пыли едкой.  
Вздыхайся, пыль,  
бей дураку в глаза!..

(«Каменотес»)

А вот стихи Чулкова о Батюшкове, прославленном тонким вкусом и «сладчайшим» стилем:

Неторной в мыслях ты весь век шагал  
дорогой,  
и то сказать, Поэт всегда пойдет по ней,  
уверен, что дойдет до отдаленных дней,  
притом же и других чему-нибудь  
научит...

(«К портрету»)

Басенная интонация, неуклюжий синтаксис, плоский прозаизм чувства и речи — решительно все антибатишковское.

По степени «близости» к классикам всех превзошел И. Костин, который в раздел «Земляки» включил стихи о Пушкине, в том числе эти вот: «У окна с мечтой во взоре, зачарован сентябрем, думал он о разговоре с новым деспотом-царем... Страсть в душе его кипела, новых строк рождался свет. Вдруг на стеклах запотелых что-то стал писать поэт... Что ни слово — гулкий выстрел, что ни стих — свободы зов. И в Сибири декабристы знали силу этих слов» («В час вечерний, в час заката...»). Комментарий вред ли нужен. Н. Володарский, автор серии сборников, признается с неподдельным простодушием:

И не скучает мой рабочий стол,  
случается, и посетит удача.  
Пятьсот стихотворений, а не сто  
я сочинил.

А это что-то значит.

И все ж пока не справился с задачей.

(«Не правы те, кто склонен упрекать...»)

«Вершит художник строгий суд над веком» (Левушкин) — это, пожалуй, самая богатая мысль в стихах об искусстве...

Собственно философская лирика оставляет чувство глубокого разочарования. Стремленье «подумать о жизни всерьез» (Рубцов) владеет многими «северянами», но не хватает то терпенья, то мастерства, то смелости сделать эту «думу» глубокой и интересной. Образующийся пробел тотчас заполняют тривиальности: «Оплатить я должен был сторицею каждый час, подаренный судьбой...» и т. п. Вместе с тем в каждой почти книжке брезжит некий непроявленный свет опыта, раздумий, переживаний.

Виктор Потневский, вообще склонный к повествовательности, нередко тусклой и утомительной, пишет в одном из лучших своих лирических стихотворений:

Чем глубже боль,  
Тем длительней терпенье  
И тоньше слух,  
И дальше видит взгляд...

(«Отсюда, из больничного окна...»)

Но сохранить «удивленные глаза», которые «многo видят», редко удается. Обычно «удивление» это имитируется, подменяемое ложной многозначительностью, или же слова текут и текут, потопляя выстраданное, ступеньвая важный смысл пустой и «эффектной» концовкой. Олег Мишин пробует передать собственное ощущение и понимание противоединства бытия, но глубже констатации контрастов («дробь барабана пионерского и скорбь оркестра похоронного», «будут новые рубцы, будут новые побег») мысль его не пробивается.

Губит многие стихи мнимое глубоко-мыслие, практикуемое не только молодыми поэтами. Если Н. Гребенчиков элегически «размышляет»:

Снега сомневаются: стоит ли таять?  
Снега продолжают лениво стареть...

А знаешь,

в поселок скворцы прилетают,  
Скворцы понимают, что значит лететь...  
(«Снега сомневаются»),

то В. Сергин почти «афористически» итожит:

О, сиро тело —  
Осиротело!  
Опять один, как ржавый гвоздь.  
...Жить острием — осточертело,  
А шляпкой — как-то не пришлось.

Глубины здесь, как видим, никакой, эффекты самоцельны, метафора бессодержательна. Правда, есть хотя бы претензия на сложность и неоднозначность ито-

га, тогда как в большинстве стихов — навязчивое влечение к итогам, выводам, ложно понятой законченности приводит к фиксации житейских прописей, что, разумеется, очень далеко от медитаций, рождающих сопереживание, ответный ток мыслей. Тематика к тому же замкнута, «ракурс» однозначен: оптимизм во что бы то ни стало. Однако от легковесного бодрячества до светлой уверенности в мудрой правоте — дистанция огромного размера. Согласимся, что низкий на сегодняшний день уровень стихописания с угрожающей быстротой становится общепринятым, обезличивающим, расплывающимся по сборникам. И редакторы не оказывают этому никакого сопротивления!..

Раскрыл бутоны комнатный цветок,  
а на дворе давно лежит снежок.  
...Беги подальше от меня, тоска,  
я радуюсь цветению цветка!

(Н. Володарский, «Цикламен»), —

признается немолодой уже поэт. Или в другом стихотворении:

Я любитель волшебных сказок,—  
все березы и тополя  
превратились в хрустальные вазы  
и бокалы из хрустала...

(«Песня складывалась не скоро...»)

Даже прекрасная северная природа безжалостно омещана, «преображена» в роскошный буфет...

Засилье стихов о природе отмечено повсеместно, и «северяне» не составляют исключения. Между тем странно, что ни у кого нет выразительных стихов о море, а то, как пишет о нем Левушкин, достойно пародии:

И день за днем — лишь воды, воды...  
Ни сада нет, ни огорода,  
не рыться человеку в грядках,  
в тени понежиться нельзя...

(«А море человека строит...»)

Вместе с тем именно о природе есть удачные стихи у Романова, Чулкова, Потиевского и других. Вот непритязательное и трогательное в своей простоте стихотворение В. Сергина:

Пылающей рябины гроздь,  
Срываясь, падают в кусты.  
Озера, как большие гнезда,  
Туманом выстланы, пусты.  
С них поднялись большие птицы  
И улетают за леса.  
А с неба тихий свет струится  
Сквозь крыльев шум и голоса.

Многих волнуют экологические проблемы. Но, беззащитная перед натиском технического прогресса, природа оказалась беззащитной и перед «набегами просвещения». В сущности для большинства она просто наиболее доступная, безопасная и беспроигрышная точка приложения версификаторских поползновений. Но и лиризм самой темы не спасает, ибо многие ищут в природе лишь «ярких заплат» для

бледных, блеклых в целом стихов. Характерен прием Беллева: эффектная концовка, под которую «подгоняется» стихотворение.

Особняком стоит творчество Юрия Линника, философское образование которого, очевидно, в значительной степени определило «настой» его лирики. Познания и интересы его обширны и разнообразны, уровень культуры мышления стихом резко выделяет его среди «северян». Юрий Линник продолжает в известной мере линию «любомудров», ставивших своей целью создание «поэзии мысли», поэзии, осмысляющей мир и человека в духе и на высоте подлинной философии. По глубочайшему убеждению автора «Взаимности», человек и природа, личность и космос неразделимы и, более того, испытывают взаимное притяжение, привязанность. Первостепенная задача поэта — вслушаться в «шум зеленый», в жизнь природы и открыть в ней не только «порыв былинки к бытию», но и всеобщий смысл и содержательную глубину, ей присущие. «Поэзия — попытка передать почти не воплощаемые начала!..» — восклицает Линник и признается:

Из травы пробиваясь предтечей,  
Вновь меня искушает родник  
Перекладом нежных наречий  
На родной человеческий язык.

(«Взаимность»)

Это единство, родственность не только, что называется, постулированы, но и прочувствованы поэтом «в мелочах». И тут-то становится осязаемой уже тютчевская — через Пастернака — традиция, которая позволяет сохранить свежесть, непосредственность впечатлений. Природа в стихах Линника разноголоса, трепетна, подробна. Недостаток резкой самобытности воспритий компенсируется вниманием к частностям. Кроме того, стихам свойственны чувство меры, точность нюансировки, вкус и вместе с тем живость «жеста»:

«После таянья снега в лесу обнажается осень; нарушается связь в непрерывном движении времен. Я люблю эти дни, это время внезапных смещений, эту робкую встречу моих разнородных начал! Невидимка-ручей, наслаждаясь свободой движений, под искрящимся настом к оврагу вприпрыжку бежал».

(«Поздняя весна»)

Почувствовать это «наслаждение свободой движений» дано далеко не каждому, но подобная чуткость дает человеку право и самому искать у природы сочувствия и поддержки. Разум, рассудок, при всей внешней рассудочности многих стихов Линника, не стал его кумиром, не превратился в новомодный фетиш. Самообольщение исключено, ибо он не менее доверяет предчувствиям, интуиции, то есть тайне, живущей в нас и вокруг. «Ясно сознавая ненароком...» — вот форма его мировидения.

Дисциплина мысли и стиха напоминает «натурфилософские» стихи Н. Заболоцко-

то и, отчасти, «мировоззренческие» — Л. Мартынова. Космизм мировосприятия в стихах Линника — вполне на уровне современных научных представлений. Мысль его пытлива, дотошна, подробно, но вместе с тем неотрывна от земных конкретностей, обыденных предметов и впечатлений: «узор галактик» видится ему в пене прибора, продырявленный жуком лист напоминает перфокарту, «одуванчик становится канто-лапласовской туманностью...» Для него важно «некий смысл, возвышенно единый, в большом и малом пристально найти». Главная же заслуга Линника в том, что, насытив и даже перенасытив свою лирику терминами, он сумел наделить их интимным смыслом, «одомашнил», отогрел, убедил в их сущности и теснейшей связи с первоосновами человеческого бытия.

Иногда чудится в его «прозрачности» сопряжений нечто внешнее, механическое, надуманное даже, но лучшее, наиболее освобожденные от «программности» стихи убеждают в обратном — в постоянном стремлении мыслить, «одолевая пути схем и блажь готовых разработок», хотя, конечно, изобилие стихов подчас вызывает ощущение неуместной легкости решений. Тогда и оптимизм бьет по нервам как нечто «затверженное наизусть», но вовсе не пережитое.

Мировоззренческий аспект тесно связан у Линника с моралью и эстетикой. Он проповедует лучшие человеческие чувства и качества, он верит в спасительную силу красоты. Иногда стихи его грешат риторикой и резонерством, но вместе с тем надличный бескорыстный характер их происхождения добавляет им чистоты, даже какой-то наивности:

Светит в безднах мирозданья  
На космическом ветру  
Свечка нашего сознания,  
Нашей верности добру...

(«Звезда»)

Он постоянно напоминает человеку о высоте, на которую тот вознесен природой, о необходимости соответствовать этой высоте: «Воплощение бесстрашья, доля жизненная наша»... Человек мужествен, ибо мыслит, понимает, создает.

Слово, дар речи имеют в представлении Линника смысл особой отмеченности. Здесь главный рубеж, отделяющий человека говорящего от безъязыкой природы: «На плотике осмысленного Слова мы отпываем от материка — от пчел, от вереска, от ивняка!..» Вместе с тем только человеку под силу извратить природу от немоты — человеку, не утратившему исконных связей, способному «пренебречь ребячьим просвещеньем» ради более возвышенной и достойной цели — прочувствовать и осознать великое единство мирозданья, родство и радость этого родства:

Слезой зовем смолу на соснах,  
О столах ветра говорим,

И в этих смыслах переносных  
Роднимся с мертвым и живым...

В конечном итоге торжествует мысль о бессмертии, ибо «ни убыванья, ни забвенья среди законов мира нет».

При всем своеобразии и насыщенности проблематики преданность абстракциям, особенно в последней книге Линника «Основна», кажется чрезмерной. Нельзя сказать, что абстракции эти безжизненны, но им присущи сухость и холодок, насильственная «объективность», малоуместная в субъективном мире лирики. Глобальность продуцирует подчас ходульность, велеречие, псевдомасштаб. Смущает и количество стихов — около 150. Неизбежны вещи неглубокие и лишенные подлинной страсти. По-прежнему самые замечательные стихи посвящены природе.

Есть надежда, что в новой книге Юрия Линника будет в полную силу проявлен горячий и пристальный интерес к «философии истории», тем более, что «натурфилософский» аспект уже представлен столь щедро, что неминуемы повторы и перемены.

Близость к «натурфилософской» лирике обнаруживают стихи Виктора Коротаяева. Особенно прочувствованно пишет он об осени. Природа у него чаще всего дана приглушенно, более изображена, нежели выражена. Близка ему и муза А. Жигулина: он тоже ищет в природе созвучных своей душе настроений, и прежде всего в ней воплощена для него Родина, ее неяркая красота, ее судьба. Человек иногда неожиданно возникает в стихах Коротаяева, но очень кстати:

В газете хвалят сенокосы  
И небывалый намолот,  
Но, видно, по привычке,  
осень

Веселых песен  
Не поет.  
Березы молча смотрят в пруд,  
Боятся вдруг спугнуть удачу,  
А бабы, если и поют,  
То все равно как будто плачут.

Не все здесь удачно, особенно странно ведут себя березы, но есть по крайней мере настроение, есть не переводимый на язык прозы смысл. Стихам Коротаяева присуща чистота звука, фразы, уравновешенность, может быть, даже чрезмерная, тем более, что стихов он пишет много, а значит, неизбежны повторы, инерция мысли и стиля. Он сам сетует, хоть и по иному поводу: «...что помнили — все перепели... Теперь повторяться должны...» («Мы прожили лучшую пору...»).

Впрочем, это общий недостаток. Нет сборника, в котором было бы менее 40—50 стихотворений. Это изобилие печалит, потому что тематическая широта мнимая. Многое из того, о чем написаны стихи, легко могло бы не попасть на бумагу, и никаких потерь при этом не произошло, ибо в этой продукции очевидно отсутствие даже отголоска «генеральной думы, одержимости ка-

ким-то чувством, задачей, поиском», на-сущность которых подчеркивал Твардовский.

Кроме того, читая многие стихи, неволь-но вспоминаешь горькие слова Баратын-ского: «Исчезнули при свете просвещения поэзии ребяческие сны...» В условиях поголовной грамотности и стихи пишут почти поголовно все. Любовь к литератур-ным занятиям похвальна, однакостораживается легкость, с которой сочинение стихов из личной потребности и услады превращается в профессию, в неукротимое стремление явить свои описи широ-кому читателю. Трудно представить, что-бы самодельные певцы пели в Боль-шом театре, а картины художников-люби-телей экспонировались в Эрмитаже, но стихотворцы, чей профессиональный уро-вень не превышает требований многоти-ражки, публикуются в «толстых» журна-лах, издают вереницы сборников, то есть так или иначе претендуют на внимание. Но подвергать их резкой критике — боже упаси: назовут чуть не обскурантом, ху-лящим пользу просвещения!..

На наших глазах происходит непрерыв-ная девальвация поэтической речи, для большой литературы губительная. Редак-торы снижают эстетический критерий при подготовке книг, а уж если один плохой поэт редактирует другого, то нечего и меч-тать о качестве. Читатель же, видя, сколь несложное это дело — сочинять стихи, охотно берется за перо, «весь в бреду стихотворного пыла»... Как результат этой «цепной реакции» — необозримое количе-ство стихотворцев и стихов, многие из которых, по причине художественной бес-помощности, стоят вне настоящей литера-туры, влияя тем не менее на ее состояние в целом. Есть такого рода явления повсе-местно, на всех уровнях.

Критики же нередко сетуют, что вот, мол, техникой-то все владеют, да так лов-ко, что удается скрыть бессодержатель-ность! Однако и скрыть не удается, и по-части техники далеко не все благополуч-но. В действие вступает своего рода «закон сообщающихся сосудов», и недостаток мысли, поэтического темперамента «уравни-вается» многословьем. Это — основной бич и у «северян», в чем мы уже убедились. У каждого из пишущих можно найти хотя бы по несколько интересных строк, но они тонут в словесной пучине почти бес-следно. От многословья — крошечные не-точности, сбивчивый синтаксис, красоты. Вот она, разменная монета версификации: «звенящее лоно», «стылый пламень глубины», «Сжигала грудь звезда ночного рта», «хоть вой, хоть залейся навзрыд», «кисть воображения», «впал в раздумье», «мах-ровый наш мороз», «недреманное око ма-терей», «вновь и вновь корпит поэт над строчкою»... — примерам несть числа.

Гипертрофия образности губит многие стихи. «Дни высунули, как собаки, сухие языки дорог» (Л. Беляев) — такое не у каждого отъявленного имажиниста встре-тишь! Но прием остается приемом, поэзия

ускользает. Декоративность, беспредель-ная экспрессия становится так же скучна и тягостна, как гладкопись. У каждого поэта, даже крупного, есть свой набор банальностей, которые иногда по ошибке принимают за «сквозные» образы, но и свеча истаивает от постоянного употребле-ния, и на балалайках лопаются струны. Даже синхрофазотроны не выдерживают!.. И, право же, чем охотнее поэт отказыва-ется от шаблона, тем лучше. И у северян ослаблено чувство меры, сообразности, гармонии. Мир растаен на гиперболах, метафоры, уподобления, лубочно пестр, имажинистски вычурен или, напротив, об-струган и обкатан до протокольной «про-стоты». Некоторые метафоры отталкиваю-ще натуралистичны. (См. «Пустошь» Усти-нова, «Печору» Романова и др.). Между тем метонимия не в чести, а ведь именно она характерна для народной речи, урав-новешивает ее яркий метафоризм. Мето-нимия сделала бы стих естественнее, чи-ще, тоньше, наконец. Властвуют крайно-сти: аллитерации или вовсе отсутствуют, или навязчивы («И пасторали постарели, и менузты миновали» и т. п.); то истери-ка знаков препинания, то безразличие к их выразительности... Но, как считал еще Сумароков, «излишество всегда есть в сти-хотворстве плесень». Перенасыщенная или же бедная фактура стиха, вялая или взвинченная ритмика, сплошные инверсии или «стерильный» синтаксис — все это равно «излишества», вытесняющие, изгоняю-щие поэзию.

В соединении с мнимым содержанием формальные несовершенства производят исключительно удручающее впечатление, но есть и другая опасность, о которой Д. Самойлов сказал очень коротко и очень ясно:

Все есть в стихах — и вкус, и слово,  
И чувства верная основа,

И стиль, и смысл, и ход, и троп,  
И мысль изложена не в лоб.

Все есть в стихах — и то и это,  
И только нет судьбы поэта,

Судьбы, которой обречен,  
За что поэтом наречен.

(«Рецензия»)

А печальнее всего то, что многие и не видят в Судьбе решающего условия под-линной поэзии. Творчество из призвания и подвижничества превращается в зауряд-ную службу, право превращается в обя-занность, которая торопит, подгоняет, и оказывается, что некогда поэту занять-ся прямым своим делом — «Слову достать из-под спуда»...

Как мы уже говорили, беды «северной» поэзии не ей одной принадлежат, не явля-ются, так сказать, ее собственностью, от-ражая лишь — и весьма четко — общие отклонения, провалы, проблемы. Эту «общность» непреднамеренно, но тем убе-



дательней демонстрируют, например, ежегодные альманахи «День поэзии», где яркие и глубокие вещи встречаются крайне редко, да и принадлежат они, как правило, «старым мастерам». Но ведь существование крупных поэтов ни с кого не снимает ответственности за слово, за судьбу отечественной литературы.

Покамест молод, малый спрос:  
Играй. Но бог избави,  
Чтоб до седых дожить волос,  
Служа пустой забаве,—

так ставил вопрос Твардовский.

Но чего же мы ждем от современной поэзии, в частности, от лирики? Очевидно, прежде всего современности, не отождествляемой, однако, с повторением азов пропаганды и публицистики. Поэт настоящий мимо современности никогда не пройдет,— такова уж его «структура», такова его природа. Важно лишь, чтобы мысль Рубцова — «О чем писать? На то не наша воля!» — не приобрела пародийного, комического звучания.

Время от времени затеваются дискуссии о нынешней поэзии, пытаются найти и назвать причины ее неудовлетворительного состояния. Сложность заключается в том, что директивными мерами здесь и вовсе ничего не поправить. Рассуждения же критиков обычно не выходят за рамки пожеланий и призывов. Три года назад Ал. Михайлов утверждал: «Думаю, что новаторство нынешней поэзии, ее дальнейшее развитие будут тесно связаны с постижением научно-технической и социальной новизны мира». И еще: «...задача искусства, поэзии состоит не в том, чтобы противопоставлять личность техническому прогрессу, а в том, чтобы утвердить торжество человеческого разума над самыми сложными и мудрыми машинами, им же созданными. То есть не о конфликте между человеком и машинной цивилизацией должен думать поэт, а о тех духовных, нравственных качествах личности, которые формирует научно-техническая революция» («Лит. газета», № 17, 28 апреля 1976 г.)

Не звучит ли это слишком императивно? Как можно утверждать то, чего нет пока в реальности, и неизвестно, будет ли? И почему поэт не должен думать о том, что есть на самом деле, довольствуясь заботой ладить с веком? «Научно-техническую и социальную новизну» постоянно постигает разве что Андрей Вознесенский, да и он соблазняется то и дело

«срывами» то в природу, то в древние, увя, человеческие чувства, то в вечные ценности...

Вспомним Пушкина: «...век может идти себе вперед, наука, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться,— но поэзия остается на месте. Цель ее одна, средства те же...»

Кто устоял в сей жизни трудной,  
Тому трубы не страшен судной  
Звук безнадежный и нагой.  
Вся наша жизнь — самосоженье,  
Но сладко медленное тленье,  
И страшен жертвенный огонь...

(Д. Самойлов)

Разве не современность с ее обостренной чувствительностью к этическим коллизиям звучит в этих строках? И не здесь ли главная духовность, та, которая не позволяет бросить упрека убитому на войне отцу, не позволяет предать друга, обидеть старость, презирать прошлое, чваниться силой и попирают святыни?..

«...мыслительностью проникнут наш лиризм», — писал Белинский, и истина эта не ветшает. Поэзия не может быть иллюстративной, вторичной, пересказывающей «в рифму» известное и наскучившее. Свободное проявление творческой индивидуальности неизбежно приведет к утверждению связи с миром, но у каждого поэта по-своему. Глубина постижения современности напрямую связана с гражданской позицией, которая ныне нередко ассоциируется с риторикой, экологической проблематикой да обличениями соседа-мещанина. Таким образом, социальная активность лирики оказывается ступенчатой. Творческие силы не должны уходить на обиняки и безделки, в то время как налицо острейшая нужда в подлинной правде «о времени и о себе», о неповторимой человеческой жизни и судьбе народа, столь щедрой на испытания и искушения. Русская поэзия всегда была ведущей, а не ведомой, и за «новизной» дело не станет, ибо, как сказал поэт,

Все в этом мире — только быть на  
страже —  
Полным-полно своей, не привозной,  
Ничей и не востребованной даже,  
Заждавшейся поэта новизной.

(А. Твардовский)

Читатель ждет от современной поэзии, в том числе и от «северной», честного и прочувственного слова.